

Владимир Березин

Чернила февраля.

Тверские-Ямские

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22016325

Москва: место встречи : городская проза / Сост. Елена Шубина, Алла Шлыкова.: Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-099718-3

Аннотация

«...На моем доме было множество мемориальных досок – от клоуна Карандаша до авиационных конструкторов. На моем подъезде висит теперь доска поэту Шпаликову. Его я не помню, зато помню издательство „Детская литература“, что занимало всё пространство внизу, а в новые времена сжималось, как шагреновая кожа, пока наконец не растаяло совсем...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Владимир Березин

Чернила февраля.

Тверские-Ямские

Сверху Москва похожа на древесный спил. Это известно.

Годовые кольца улиц неплотно прилегают друг к другу, и во все стороны расходятся трещинки магистралей. Площадь Маяковского – как раз на северо-западном луче, точка в конце прямой строки Тверской улицы. Я родился на улице Горького – в той ее части, что зажата между площадью Маяковского и Белорусским вокзалом.

Дом стоял серым броненосцем, вокруг были корабли рангом пониже, жестяные катера гаражей – маленькие арки, подъезды, огромная вентиляционная труба метрополитена с теплой воздушной струей из подземной вентиляции, помойка, а там чахлые деревца, впереди, в просвете – дом. И еще какой! Крейсер желтого кирпича с ломаным фасадом, чужой и холодный.

На моем доме было множество мемориальных досок – от клоуна Карандаша до авиационных конструкторов. На моем подъезде висит теперь доска поэту Шпаликову. Его я не помню, зато помню издательство «Детская литература», что занимало всё пространство внизу, а в новые времена сжималось, как шагреновая кожа, пока наконец не растаяло совсем.

Дом строился на фундаменте церкви Василия Неокесарийского, от которой остались лишь название улицы рядом и подвалы, наполненные трухой, в которых девочкой играла моя мать.

С одной стороны от улицы Горького – Тверские-Ямские, с другой – Брестские. Я довольно долго был уверен, что очертания белого дома с башенками, маячившие в конце улицы, – это и есть Брест.

Даже первые уроки географии не смогли поколебать этой уверенности.

Брестским был и вокзал.

Тут страдали герои Пастернака в баррикадные дни: «Дом был одноэтажный, недалеко от угла Тверской. Чувствовалась близость Брестской железной дороги. Рядом начинались ее владения, казенные квартиры служащих, паровозные депо и склады». «Это были самые ужасные места Москвы, лихачи и притоны, целые улицы, отданные разврату, трущобы погибших со зданий».

Рядом Бронная, Патриаршие, Булгаков.

В Москве существует немного мест для встреч, как и в Ленинграде. Можно встречаться у метро «Краснопресненская», около рабочего с гранатой.

Еще хорошо стоять около уцелевших газетных стендов в конце Гоголевского бульвара, театрального киоска внутри станции метро «Парк культуры». Отъезжая в Крым, необходимо выехать на эскалаторе к сухому «фонтану» на станции

«Курская». Никакой он не фонтан, ну да это не важно.

Летом в Москве хорошо встречаться на Патриарших. Нужно сидеть на скамеечке, спиной к полированной Моське и Волку с золотистыми зубами, лениво разглядывая домик на той стороне – без опасения влипнуть в историю.

У широченных штанин Маяковского встречаются редко, поэтическая тусовка смогистов¹ сгинула давно, и лишь в начале сентября рядом с ним собирается загорелый народ. Это называется «Крымская стрелка». Те, кто провел хоть день между Тарханкутом и Керчью, сходятся на Маяковке.

Площадь Маяковского – это начало уходящего к центру добротного сталинского ампира. Гипсовые женщины бьются в стальных сетках, как пойманные рыбы. Нагибаются к прохожим мертвые гербы с картушей. Ночь за окнами начала синеть.

Меня всегда радовал вид из окна квартиры, где я прожил первые четырнадцать лет моей жизни, куда я постоянно возвращался, гармоничная соотнесенность неба, крыши, стен и клочка тополиной кроны.

Двор за окном был мой и всегда вторгался внутрь дома. Летом оттуда в комнату влетал тополиный пух и, копошась под диванами и столами, вел свою независимую жизнь.

Ночью, если я лежал на спине, то на ночном потолке про-

---

¹ *Смогисты* – члены литературного объединения молодых поэтов «Самое молодое общество гениев», созданного в 1965 году.

плывал мимо меня световой штрихкод – белые полосы, загадочным образом рождаемые автомобильными фарами и валиками стеклоделательной машины.

В этот час исхода ночи не было мочи сидеть дома, наблюдая в окне странные цвета неба и стен, цвета переходного процесса ночь-утро, и слушая обязательный ночной атрибут – тихую музыку радио, отзывающуюся на слово «*rien*».

Еще несколько минут я перекладывал листы и разглядывал фаберовские карандашные коробки, жалованные мне в детстве.

Скоро я перееду в другое место, и они вернутся в тот стол, который столько лет назад опрометчиво покинули. Карандаши были подарены мне покойной родственницей, в квартире которой я теперь, может быть, буду жить. Дом этот недалеко, через улицу. Там многометровый грязный паркет и печальный кот-старичок.

Борис Пастернак родился в январе. Это потом январь стал февралем, сместилась земная ось, началось новое тысячелетие, и такое количество родственников, знакомых и просто сверстников Пастернака улетело вверх тормашками поверх барьеров, такие воздушные пути начались, что просто святых выноси.

Так вот, день рождения перелез из одного месяца в другой, а на первой странице всякого пастернаковского сборника помещается стихотворение про февраль и что «достать чернил и плакать». Эта фраза удивительно подходит ко всем

публичным дневникам – и когда сдохнет январь, они наполнятся криками и чернильными слезами: «Достать... А вот и февраль! Чернил! Чернил, я плачу». В общем, хор мальчишков и бунчишков исполнит это много раз, и совершенно справедливо.

Между тем, Пастернак родился на соседней улице с другим моим домом. Собственно, тогда я жил на улице Горького, потом переехал на другую сторону, а дом, где родился Пастернак, был прямо за большим пустырем, где раньше находился театр кукол. На пустыре, где много лет строили второй выход из станции метро «Маяковская», стояли щиты с гербами союзных республик и лозунгами, оттуда хорошо было наблюдать за слякотными ноябрьскими парадами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.